

**ЛУЧШИЙ
ПАТРИОТИЧЕСКИЙ
РОМАН**

ВЛАДИСЛАВ
БАХРЕВСКИЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б30

Дизайн обложки *Александра Воробьева*
Иллюстрация на обложке *Екатерины Фerez*

Бахревский, Владислав Анатольевич.

Б30 Никон / Владислав Бахревский. — Москва :
Издательство АСТ, 2026. — 480 с. — (Лучший патриотический роман).

ISBN 978-5-17-181066-5

Патриарх Никон — одна из самых противоречивых фигур русской истории. Некогда приходской священник Никита Минин крепко сдружился с царем Алексеем Михайловичем, став его главным советником и всероссийским патриархом. Но мысль об укреплении власти Русской церкви, владевшая им все эти годы, в конце концов привела к расколу. Став патриархом, Никон пошел даже против самого государя, потребовал сожжения «нечистых» книг, уничтожения икон и казни неверных ему старообрядцев. Множество людей потеряли семьи и жизни во имя истинной веры. Но кто же оказался прав? И так ли жесток был великий патриарх? Об этом расскажет исторический роман Владислава Бахревского.

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-181066-5

© Бахревский В.А., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава первая

1

Боярин князь Иван Никитич Хованский, ухватив дьячка за бороду левой рукой, волочил его по избе, а правую сокрушал что попало, вконец разоряя бедное жилище.

Не чая себе спасения, дьячок тоненько выл от боли и безнадежности, но Иван Никитич не унимался. В кровь ссадил косточки на кулаке, да только и своя боль не остужала великого княжеского гнева.

— Я тебя в печи изжарю! — возопил вдруг Иван Никитич, поднял дьячка на воздуси, сунул в печь и запечатал железной заслонкой.

Тут поднялся по избе вопль и зёв. С печи, из-за печи, из-под лавок пошли, как тараканы, несчетно детки, беспштаные, мал мала, полезли друг по дружке в печь, отставили заслонку и вынули родителя. Печка, протопленная спозаранок, вреда дьячку не причинила, и он был не рад вновь оказаться с глазу на глаз со своим истязателем, но князь уже позабыл о горемыке.

Сидел за столом, нянча левою рукой ушибленную правую, и слезы, мелкие, как рыбки икринки, сыпались из его бычьих, налившихся кровью глаз.

Вины за дьячком, в избе которого квартировал князь Хованский, никакой не было. Совсем никакой!

Разве что рясу носил да крест. Князя обидели митрополит Никон и Васька Босой.

В служении Господу Богу Никон меры не ведал. Поднимал все посольство затемно, всех ставил к правилу, князь ли ты, раб — всех! Служил по монашескому уставу, без пропусков, замедляя действие торжественностью, обращая в назидание каждое слово священного текста.

От долгого стояния у князя Ивана Никитича ломило спину, ноги деревенели, от голода, ладана и духоты голова шла кругом. Какое там яблоку, горошине некуда было упасть. На службу митрополита съезжались, сбегались, сползались со всей округи.

Да разве за словом Божиим? Кто на погляд, кто чая себе избавление от хвори и неудачи через благословение архипастыря.

Все тут делалось истово: молились, дивились, службу служили.

Божественные гимны пролетали мимо ушей Хованского, ангельское пение, уносящее душу на небеси, было ему как зубная боль. Одно и то же по сту раз.

А взбеситься — власти нет, коза безрогая... Царев посол, он обязан был хранить во время службы царев величие и достоинство. Огромный, как бык, лицо разобиженное, потный, стоял он на самом почетном, видном месте, вздыхая и жмурясь.

Из-за бесконечных служб посольство двигалось медленно, ни единой, кажется, церкви не пропустили.

Когда же князь прикидывал, сколько еще верст впереди, мозги ему застилала красная тьма и хотелось треснуться башкой о чурку.

Правду сказать, посольство у Хованского было высочайшее. Вместе с окольниковцем Василием Огневим он представлял царя в священном походе на Солонки для перенесения мощей московского митрополита Филиппа. Совершалось действие небывалое в Московском государстве. Царская власть перед

всем народом каялась в совершенных ею преступлениях. Некогда злодей Малюта Скуратов собственноручно подушкой удавил митрополита в тверском Отрочем монастыре, куда святитель был заточен Иоанном Грозным. Царь Иоанн, устроивший расправу над Великим Новгородом, утопивший в Волхове неповинных перед властью тысячу женщин с детьми, в довершение устроил потеху: женил местного архиепископа на кобыле. И не натешился! Послал Малюту Скуратова к Филиппу за благословением новгородского погрома. Филипп благословения царю не дал, предпочел смерть.

Ныне посольство везло на Соловки письмо царя Алексея Михайловича к святому мученику Филиппу.

Письмо это царь сочинил, боясь опростоволоситься перед честным миром.

История знала случай, когда святой воспротивился цесарскому желанию покинуть свою могилу. Произошло это в Византии, которая была Москве всехвальным примером.

Император Феодосий Второй, убежденный патриархом Проклом, согласился на перенесение мощей святителя Иоанна Златоуста из города Комны близ Сухуми в Константинополь. Царица Евдоксия, мать Феодосия, за проповедь о суетных женщинах, в образе которых узнала себя, предала Иоанна суду. Последовали ссылка и скорая смерть. Посланные за мощами люди не смогли, однако, оторвать их от земли.

Пришлось императору Феодосию писать покаянное письмо за свою мать и за себя. Письмо было прочитано у гроба, и только после этого гроб дался царским слугам без труда.

Указал царю Алексею Михайловичу на это предание Никон. Вся затея была его, и потому не боярин Хованский правил посольством на Соловки, но митрополит. Хочешь не хочешь, приходилось боярину

терпеть многочасовые службы. Да ладно бы одни службы, но проклятые чернецы постами замучили.

Никону — хорошо! Привык хлеб да лук водой запивать — мужицкой крови. А Хованский с Огневым — вконец извелись. И, сговорившись, устроили боярин с окольниковичим на одной из стоянок тайный пир. Избу выбрали неприметную, на краю села, припасы доставили ночью, никто из чужих о затее не ведал.

Весело в тот день службу стояли, глянут друг на дружку и улыбнутся. Наварено у них было и напарено не хуже, чем в Москве.

И только это боярин с окольниковичим сели за стол, только-только по чаре выпили, как дверь в избу отворилась и вошли Никон, а за ним Васька Босой — любимец государя, самый знаменитый на Москве юродивый.

— В пост?! — ткнул Никон перстом в ахти какой скоромный, грешный стол и тотчас кинулся вон из избы.

Но Васька Босой схватил его за полу рясы:

— Экий ты потешник! Беса укоризной вздумал пронять? Пастырь глупый! Разве овца слову внемлет? Кнуту она внемлет! Мы за дверь, а они и налопаются.

Головастый, коротконогий, с огромными ручищами, Васька прошлепал красными, как у гуся, ногами по избе, сдернул со стола скатерть со снедью, прошелся по ней ногами, а потом залез с башкою в печь и громко высморкался на приготовленную для московских бояр еду.

Ни окольниковичий, ни сам боярин пикнуть перед Васькой не посмели. Васька — дурак, а грамоту знает и царю письма с дороги шлет, государь же не Хованскому пишет, а Ваське. И с Никоном у царя постоянная ссылка.

Вот и таскан был за браду сирый дьячок. Под горячую руку попал бедный.

Впрочем, князь Хованский скоро отошел и по своей воле за бесчестье дьячку заплатил жуткие для маленького человека деньги — сто один рубль. Служилому казаку пять рублей в год платили. А почему сто один, спрашивается?

В царском Уложении о бесчестье духовных лиц пятьдесят статей. За бесчестье рядового монаха пять рублей по суду взыскивают, за архимандритов, не помянутых в Уложении, по десяти. А тем, кого помянули, цена за бесчестье разная. Рязанскому Солотчинскому архимандриту полагалось двадцать рублей, боровскому Пафнутьевскому игумену — тридцать, Белоозера игумену — пятьдесят. Дороже других стоило бесчестье архимандрита Троице-Сергиева монастыря — сто рублев.

Вот и заплатил Хованский простому дьячку сто один рубль, себе в утешение.

2

«Как черный вран на белоснежье», — подумал о себе Никон, окидывая взглядом белое лоно реки и безупречно белую шубу дикого леса по берегам.

Никон ушел на реку помолиться в одиночестве, но, давно уже привыкнув к келейной полутьме, он растерялся на великом белом свете. В келии душа стремится к солнцу, оставляя греховное тело в потемках. Теперь же, на белой земле, под ослепительным белым небом, он весь был пронизан невидимым человеку оком правды. Ни рукой от того ока не загородишься, ни мыслью праведной, лживой, юридической — весь, весь на виду!

И убоился царев святитель молитвы. Повернул назад, в село, где стояли царские послы.

Горько было Никону. Он вспомнил себя среди необъятных снегов Анзерского скита. Вся его жизнь в те дальние лета была истиной и всякое дыхание истиной же. Тогда он был простой чернец с душой

невинного теленка: была трава — щипал, не было — ждал, когда вырастет.

Радость неискушенного покинула его в первый же день, когда, по приговору братии, был он избран в игумены Анзер. И чем выше возносила его жизнь, добытая прежним подвигом и чистотой, тем дальше он был от самого себя и от истины.

Нынешний чрезмерный пост, изнуряюще долгая молитва чудились ему сосудом Феофила. Киево-печерский чудотворец Феофил тридцать лет наполнял корчагу слезами, пролитыми на молитве. Старец собирался предстать с теми слезами перед Богом, но Бог отверг нарочитое. Перед смертью Феофилу явился ангел и показал ему другой благоуханный сосуд, много больше корчаги. В сосуде были слезы, пролитые Феофилом наземь ненароком.

Никон успел привыкнуть к власти, к изоциренной роскоши архиерейской жизни, к толпам народа, ожидающим от него благодати, к ласке царя. К одному не мог приспособиться — к совести своей. Совесть в нем болела постоянно. Вся его теперешняя жизнь была не просто жизнью, но расчетом на новое возвышение. Молитва не ради молитвы, пост не ради поста, слово не ради слова, и сам Бог был для него только средством.

Чем настойчивее князь Хованский торопил посольство, тем медленнее оно двигалось, исполняя молитвенные деяния Никона. Дело было в том, что патриарх Иосиф совершенно одряхлел и выживал из ума.

Упаси боже, Никон и подумать себе не позволял о патриаршем месте, но он знал всей тайной духа своего, что это место предназначено ему. Надобно только не думать об этом и не торопить. Само время не торопить. И Никон медлил. Близилась весна, стало быть, и весенняя распутица, когда всякому движению копец на добрых два месяца.

Знал за собою Никон и еще один немалый грех. Ничего не мог поделывать митрополит с живущим в нем мужиком Никитою. Мужик то и дело подталкивал владыческую длань митрополита совершить то и другое по его мужицкой прихоти. Рад был мужик потешиться над боярами, рад был видеть, что бояре-то такие же людишки, только хуже, хуже, ибо в каждом из них сатанинский конь норова, который лукав перед сильнейшим и беспощаден к зависимому.

Не ради умилоствивания святого Филиппа, не ради служения госуду держал Никон в аскетической строгости царское посольство, но ради мужика Никиты, на потеху ему.

Лукавство для монаха тяжелее вериг. Не посмел Никон молиться в уединении. Он верил в силу безупречной молитвы и боялся причинить несчастье молитвой, когда в сердце гнездятся неправда и корысть.

Вчера привезли Никону письмо от государя, веселое, ласковое. Величал государь митрополита великим солнцем сияющим, пресветлым богомольцем.

Прощения просил: «Не покручинься, господа ради... Без хитрости не писал к тебе. Да пожаловать бы тебе, великому святителю, помолиться, чтоб Господь Бог умножил лет живота дочери моей, а к тебе она, святителю, крепко ласкова; да за жену мою помолиться, чтоб, ради твоих молитв, разнес Бог с ребеночком; уже время спеет, а какой грех станется, и мне — ей! — пропасть с кручины. Бога ради, молись за нее...»

А молитва не удалась.

Вернулся Никон в село и сразу к Ваське Босому в ноги с покаянием. Юродивый, как птичка, легко выслушал, легко благословил.

— Собирайся в дорогу, владыко. Боярин как бы от гнева не расхворался. Вы собирайтесь, а я помолюсь. Мои какие сборы? Валенок и тех надевать не надо.

Что верно, то верно. И в северной стороне Васька ходил по снегу босиком.

3

Под старческий голосок дважды треснувшего колокола маломочной местной церквушки вышел обоз в дорогу. Ребята вперемешку с собаками бежали за санями, строя рожи по неразумности и от веселости серьезным ездокам.

Местный поп, воодушевленный участием в столь великом государственном деле, не глядя на жестокий мороз, пел с дьячком и всем своим клиром псалмы, растрогав до слез митрополита.

Никон вышел из саней, облобызал попа, подарил ему серебряный нательный крестик и, благословив еще раз жителей и жилища их, приказал возницам погонять.

Лошади пошли ходко, покрываясь сизым инеем.

А Василий Босой в те поры молился в коровьем хлеву. Сладкая горесть билась в сердце его, и он плакал, как ребенок, и корова пожалела его и облизала шершавым мокрым языком. Васька принял коровью ласку и затих, забылся, но тут звонко заскрипели схваченные морозом половицы, и из сеней в хлев зашел стрелец Федька Агишев.

— Давно уж все уехали, — сказал. — В одиночку-то на волков быстро наедешь.

Васька Босой встал, погладил корову по теплой шее.

— Порадуй хозяев своим молочком обильным да телятами здоровыми.

Перекрестил корову.

— Ты бы лучше меня перекрестил, — хмыкнул Агишев, — у коровы все равно души нет.

— Тебя нельзя перекрестить, — сказал Васька, расплываясь идиотской нутряной улыбкой.

— Это почему же?! — ахнул Агишев, у него задергался левый глаз, и он закрыл его ладонью.

— Да вот нельзя! — сказал Васька и пробежал мимо стрельца, прихватив в сених свой тулупчик, подбитый куницами, — подарок царя.

Федька Агишев поспешил за юродивым, но на крыльце задержался. Легкий посвист снега под Васькиными босыми ногами цапнул его кошачьей лапой по сердцу. Передернуло.

Лошадь у Агишева была добрая, но он сразу перепоясал ее кнутом и так погнал по разъезженной после обоза дороге, что лошадь скакала в оглоблях.

Мелькнуло белое поле, и пошел, пошел по сторонам северный лес, чахлый от тесноты, но бесконечный и непроходимый сразу же за дорогою.

Агишев, распаяясь какой-то неведомой злобой, истязал кнутом свою лошадку, и она неслась, как слепая. Сани плюхались в выбоины, кренились, раскатывались и шли боком. Стрелец покосился на своего ездока. Васька сидел как тряпичная кукла, сидел и улыбался все той же бессмысленной идиотской улыбкой.

Агишев, приметив впереди крутой спуск, не придержал лошадь, но снова ожег ее кнутом, да по брюху. Света невзвидя, лошадь рванула, Агишев выпустил из рук вожжи, рухнул с облучка на Ваську, и они вместе выпали из возка.

Лошадь умчалась под гору и не остановилась.

— Эх, мать честная! — Глаза у Агишева блуждали. — Чего делать-то? Может, вернемся?

— Пошли, лошадь нас подождет, — сказал Васька и затрусил босыми ногами по сверкающему следу от полозьев.

Лошадь не остановилась. Она, чуя впереди обоз, догнала его и долго шла, пристроясь к последним саням. Наконец кто-то заметил, что сани пусты, всполошились, доложили о происшествии князю Хованскому. Обоз остановился. Поглядели, кого нет, и только тогда отрядили трое саней со стрельцами на случай нападения волков.

Обоз продолжил движение, ночь близилась.

Верст пятнадцать, а то и все двадцать отшагал Василий Босой по студеной северной дороге. И ничего — обошлось будто бы.

А через неделю ночью прибежали за Никоном.

— Юродивый умирает!

Никон быстро оделся, но, одеваясь, услышал, как гудит за стенами дома жуткая северная пурга.

Встал на молитву, со стыдом думая о своей неохоте покинуть теплое жилище.

Пошел. Васька Босой занимал соседнюю избу.

Юродивый лежал под образами, в белой рубахе и в цепях.

— Нарядился в дорогу, — сказал он Никону и засмеялся.

Засмеялся как совсем здоровый человек. Никон вспыхнул, принимая ночной вызов к юродивому за глупейший розыгрыш. Но Васька, хохоча, сбросил с себя тулуп, покрывавший ноги, и Никон увидал, что Васькины ноги черны.

Хохоча, Васька тыкал рукою в Никона, и казалось, что цепь тоже смеется, позвякивая. Не обрывая дикого смеха, Васька стал подниматься, стараясь приблизить потное, изуродованное гримасой лицо к лицу митрополита. Не дотянулся, упал навзничь, и стало тихо.

«Боже мой, — подумал Никон, — что означает смех умиравшего? Знамение! Но о чем?»

И понял, что этот час останется с ним на всю жизнь.

4

Ни единой морщинкой не коробило Белое море, а паруса не болтались, паруса звенели от попутного ветра.

— Чудо! — сказал Никон. — Будто святые отцы Зосима и Савватий несут нас на дланях своих.

Он стоял на носу ладьи, то и дело трогая митру и поправляя облачение. Лицо его покрыли красные, мелкие, как денежки, пятна. Ему было суетно.

Соловки надвигались. Уже валуны в стенах можно разглядеть. Угловые башни толсты, в низких шапках — воины, поставленные в землю по грудь, дабы и шагу назад не могли сделать перед любой силой. В крутых лбах ни ума, ни коварства — одна только преданность.

Никон не был уверен, что примут его без сучка и задоринки. Игумен Анзерского соседнего монастыря, он в былые годы не ладил с соловецкими старцами. А старцы здесь были как эти башни, их даже царское слово, сказанное в сердцах, не страшило.

Года три тому назад царь повелел соловецкому игумену Илье поставить каменную церковь в Анзерском скиту. Никон хлопотал за своего учителя Елеазара, основателя скита. Соловецкий игумен Илья, получив царский наказ, не кинулся исполнять его тотчас, но, осердясь на старца Елеазара, велел посадить его в тюрьму. Держал в заточении, куда блажь не прошла.

Правда, года еще не минуло, как митрополит Никон посвятил игумена в архимандриты, но всякого можно было ждать от гордеца. Забрать у монастыря мощи — все равно что в сокровищницу его залезть. Странники мощам ходят поклоняться. Не убудет ли поток ищущих спасения? А ну как бешеный Илья воспротивится царской воле?

У Хованского сотня стрельцов, а у Ильи не меньше пяти сотен...

От суетности мыслей душа митрополита ветшала, съезживалась, и он никак не мог обрести достоинства, внешнего и внутреннего, необходимого для совершения великой миссии.

Вдруг холодно мерцающие влажными камнями стены монастыря пыхнули белыми облачками, и тотчас потрясенный воздух разорвался, поднял в небо